

Кроме социально-экономических трудностей, русскоязычную общину беспокоит сокращение информационно-коммуникативного пространства. Приведем данные интервью: *Г.*, казанская татарка, 32 года: «Конечно, на сегодняшний день очень огорчает, даже если открытым текстом говорить и называть все своими именами, устрашает то, что идет отплыт русскоязычного населения, русские, татары, ну в общем, европейцы покидают Центральную Азию, к сожалению. Это, конечно, очень мучительно, больно... Те люди, с которыми я общалась на короткой ноге, те, с которыми у меня был тесный круг общения, с которыми были одни интересы, одни направления, одни взгляды, – все поужезжали, остались считанные...».

Частое обращение респондентов к «советскому» свидетельствует о привязанности их к прежней этно- и социокультурной обстановке. Например, *И.*, татарин, 38 лет: «Я вспоминаю Геолог, наших соседей с разных сторон, тетю Таю. Так хорошо мы жили, все дома были открытые. Сейчас проезжаешь по Геологу и видишь эти дувалы, аж тоскливо становится». Медленный отток соотечественников из г. Ангрена сопровождается сужением культурно-языкового пространства русскоязычной общины: отсутствуют русские ансамбли, центры или другие формы самодетальности.

В целом предпринятое исследование в г. Ангрена позволяет заключить, что русскоязычное население малых городов Ташкентской области находится в сложных социально-экономических условиях. Сокращение русскоязычного населения порождает коммуникативный дефицит, что в свою очередь влияет на выбор будущего места жительства и определяет миграционные установки соотечественников в Узбекистане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.
2. *Космарская Н.* «Мы все сейчас в одной лодке – и русские, и киргизы». Об этничности как факторе социального размежевания в постсоветских обществах // Неприкосновенный запас. 2009. № 66.
3. *Kosmarskaya N.* Russia and post-Soviet “Russian Diaspora”: Contrasting Visions, Conflicting Projects // Nationalism and Ethnic Politics. Routledge, 2011. P. 54–74.
4. Kosto Pal Territorialising Diaspora: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium – Journal of International Studies. 1999. Vol. 28, N 3. P. 610; Kosto Pal Russians in the Former Soviet Republics with contribution by Andrei Edemsky. L.: HURST & COMPANY, 1995.
5. Radnitz Scott Weighing the Political and Economic Motivation for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // Europa-Asia Studies. 2006. Vol. 58, N 5. P. 653–677.
6. *Flynn Moya* Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. Vol. 35. N 2. 2007. March. P. 267–288.
7. *Гужвенко Ю.Н.* Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е – начале 2000-х годов. М., 2009. 199 с.
8. *Kosmarski A.* Grandeur and Decay of the «Soviet Byzantium»: Space, Peoples and Memories of Tashkent, Uzbekistan // Urban Space after Socialism: ethnographies of Public Places in Eurasian Cities / ed. by Tsypylma Darieva, Wolfgang Kaschuba, Melanie Krebs. Frankfurt; New York, 2011. P. 33–56.
9. История новых городов Узбекистана. Ташкентская область. Ташкент, 1976.
10. *Савоскул С.С.* Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М., 2001. С. 348.
11. *Ата-Мирзаев О., Гентике В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Изд-во мед. лит-ры им. Абу Али Ибн Сино, 1998.

Статья поступила
в редакцию 02.04.2013

УДК 39.314.7

Е.В. КИМ

КОРЕЙЦЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И СТРАТЕГИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
kimkatya@list.ru

Рубеж XX и XXI вв. ознаменован актуализацией отношений между диаспорой, принимающим обществом и страной исхода. В данной статье рассматриваются особенности такого взаимодействия на примере корейского сообщества России. Корейцы имеют давние практики транснациональных диаспоральных отношений; они в течение длительного времени пребывают в России; а в последние десятилетия корейское сообщество России активно включаются в практики Республики Корея (РК) по отношению к зарубежным соотечественникам. Стратегии их транснационального взаимодействия с государством исхода имеют ряд особенностей, рассмотренных в данной статье.

Ключевые слова: российские корейцы, миграция, адаптация, диаспора, транснациональное взаимодействие, межэтнические отношения, традиционная культура.

Переселение корейцев на территорию современной России началось в XVIII–XIX вв. Массовая миграция происходила с конца XIX в. К 1937 г. на Дальнем Востоке проживало более 167 тыс. корейцев [1, с. 120]. Первыми переселенцами были крестьяне. В годы Второй мировой войны была предпринята их депортация из пограничных районов Приморского края в Среднюю Азию [2, с. 120]. Особый сегмент корейской миграции составляли рабочие, в начале XX в. насильственно вывезенные с Корейского полуострова на о. Сахалин в период аннексии Кореи Японской империей. Эта группа корейцев вплоть до 1970-х гг. имела статус апатридов и долгое время не имела права выезжать из мест поселения. До 1950-х гг. корейцы проживали в местах ссылки. С момента ликвидации режима спецпоселения многие корейцы начали расселяться по территории СССР. Начиная с 1960–1970 гг. корейцы стали активно переселяться в Сибирь. Их численность в регионе стала расти. Миграционный поток активизировался в конце 1980-х гг. Местами исхода стали два основных центра компактного расселения корейцев в СССР: о. Сахалин и среднеазиатские республики.

Советские корейцы послевоенного поколения, имея корни в малых провинциальных городах, рассматривали переезд в города Сибири и в том числе в г. Новосибирск с точки зрения новых возможностей карьерного и личностного роста.

По данным Всероссийской переписи населения за 2010 г., в Новосибирской области проживало свыше 3 тыс. корейцев¹. Будучи включенными в локальное сибирское сообщество, корейцы играли в нем заметную роль: входили во властные структуры г. Новосибирска, в научную и предпринимательскую элиту.

В ходе миграции в их среде появилась тенденция к объединению. Уже к концу 1990-х гг. в г. Новосибирске действовало несколько корейских организаций; в 1998 г. они объединились под руководством Национально-культурной автономии (НКА) корейцев Новосибирской области. На протяжении 15 лет своего существования НКА ориентировалась на консолидацию корейского этнического сообщества, поддерживала программы сохранения языка и традиционной культуры, занималась политико-правовыми вопросами. На сегодняшний день она проводит различные культурные мероприятия, а также активно участвует в акциях по гармонизации межэтнических отношений. Наиболее заметным проектом НКА корейцев НСО является празднование восточного Нового года, которое ежегодно собирает около 300–400 гостей.

Создание НКА корейцев является формой институализации отношений между этническим сообществом и государством. При этом корейское сообщество включено в сложную систему взаимоотношений, акторами которых выступают: НКА, представляющая ин-

тересы корейцев (диаспора), принимающее общество и историческая Родина (или страна исхода).

Следует, однако, учитывать, что на протяжении нескольких десятилетий корейцы СССР не имели возможности контактировать со страной исхода, в особенности это касается среднеазиатских корейцев. И к концу XX в. сложилось не одно поколение корейцев, для которых понятие исторической родины носило расплывчатый характер. Ситуация усложнилась в связи с изменением геополитической ситуации в ходе разделения Кореи на Северную (Корейская народно-демократическая республика, КНДР) и Южную (Республика Корея, РК). Это произошло в 1948 г. после поражения Японии, до этого правившей Кореей, во Второй мировой войне.

Во второй половине XX в. КНДР предпринимала попытки агитации к репатриации сахалинских корейцев. Однако в связи с происхождением большинства из них из южных провинций Корейского полуострова они в массе своей предпочли остаться в СССР. К концу XX в. КНДР отказалась от активной политики по отношению к зарубежным соотечественникам в связи с экономическими трудностями и политической закрытостью страны.

Но, начиная с конца 1980-х гг., в мировом геополитическом и экономическом пространстве стало заметным присутствие Республики Корея, которая выстраивала особую стратегию взаимодействия с зарубежными соотечественниками по всему миру. В условиях глобализации в 1990-х гг. правительство РК обозначило значимость диаспоры как дополнительного инструмента международного сотрудничества и влияния.

Диаспоральная политика РК началась в условиях противоборства с КНДР и была ориентирована на ограничение въезда корейцев СССР в северную зону². В 1960–1970-е гг. политика ограничений по отношению к зарубежным корейцам сменилась поощрением трудовой миграции с целью стабилизации внутреннего рынка труда, а также привлечения иностранного капитала³. Следующий этап развития диаспоральной политики РК в 1980–1993 гг. южнокорейские историографы называют политикой «локализации», т.е. поощрения адаптации мигрантов в принимающем обществе и формирования «идеального» сообщества мигрантов [3, с. 34].

В 1993 г. впервые формируется административный аппарат диаспоральной политики, а также основные направления сотрудничества с зарубежными соотечественниками. Наряду с обсуждением поддержки

² Чве Ёнг. Хангукхва чжунг гукдже вуэдонгпхо чжонгчек пигё ёнгу: «Хёнчжихва»уа «нетвокы» чжонгчегьль чжунгшимыро (Сравнительное исследование диаспоральной политики Республики Корея и КНР: О политике «локализации» и «нетворкинга»: дис. ... канд.ист. наук / Университет Чжоннам. Квангчжу, 2011. С. 57.

³ Приказ о введении закона «О зарубежной миграции» 1962 г. URL: <http://theme.archives.go.kr/next/populationPolicy/archivesDetail.do?flag=1&page=1&evntId=0043297168> (дата обращения: 17.07.2013).

¹ Итоги Всероссийской переписи населения за 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 17.07.2013).

образовательной и культурной деятельности зарубежных корейцев на повестку дня выносятся вопрос о правовом оформлении понятия «зарубежный соотечественник». А также происходит обсуждение проекта репатриации сахалинских корейцев.

В результате был принят закон «О юридическом статусе зарубежных корейцев» (1999 г., поправка 2004 г.), согласно которому на сегодняшний день зарубежными соотечественниками признаются лица, «в прошлом имевшие корейское гражданство (включая тех, кто эмигрировал из страны до основания РК), а также их прямые наследники»⁴. К началу 2000-х гг. оформились направления сотрудничества с корейской диаспорой.

Особое внимание в современной РК уделяется разработке стратегии экономического сотрудничества с зарубежными соотечественниками. Пример Китая, Индии, Мексики и других стран наглядно демонстрирует, что диаспора может выступать не только в качестве источника денежных поступлений для страны исхода, но и как источник прямых инвестиций, а также как партнер в международной торговле и экономическом сотрудничестве.

Деятельность правительства РК в этом направлении активизировалась в условиях азиатского экономического кризиса 1997 г. Власти страны оценили экономический потенциал диаспоры и приступили к осуществлению так называемой «политики сетей» (network policy). В рамках данной кампании успешно проводится ежегодный Всемирный бизнес-съезд корейцев, на котором собираются представители местной южнокорейской бизнес-элиты, а также представители корейского бизнеса со всего мира; здесь ведутся переговоры и заключаются договоры о сотрудничестве.

В 2011 г. количество участников очередного съезда достигло рекордного показателя; было заключено свыше 4,6 тыс. контрактов на общую стоимость 264 млн дол. США⁵. Следует заметить, что в числе сопредседателей собрания в 2012 г. присутствовал глава Ассоциации корейцев Казахстана Роман Ким⁶. Это свидетельствует о постепенном включении корейцев стран СНГ в глобальное корейское сообщество.

В настоящее время основными направлениями диаспоральной политики РК, помимо экономики и инвестирования, являются сотрудничество в области культуры, образования, торговли и информации⁷. Наряду с этим правительство упростило въезд и право

на трудовую деятельность для зарубежных корейцев в РК. Кроме того, была проведена репатриация корейцев о. Сахалин, мобилизованных японским правительством во время аннексии 1910–1945 гг. РК ввела упрощенный режим инвестирования, покупки недвижимости и проведения финансовых операций для зарубежных корейцев⁸.

Таким образом, диаспоральная политика РК заметно эволюционировала: начавшись с попыток создания символической культурной общности, пройдя этап дискуссий о правах и равенстве представителей диаспор разных стран и в конечном итоге сорганизовавшись на паритетное сотрудничество. Выстраивая диаспоральные стратегии, РК избрала осторожный подход и сконцентрировалась на политике «локализации» корейских сообществ в принимающих государствах.

Фонд зарубежных корейцев, главный орган диаспоральной политики РК, предлагает российским корейцам ряд образовательных, культурных и экономических программ. Активизация культурных и экономических практик РК неизбежно сказывается на характере этносоциальных процессов в среде зарубежных корейцев, в том числе и корейцев Сибири.

За 150 лет проживания в России у корейцев сложилась особая идентичность. Длительная ориентация корейцев на взаимодействие с принимающим российским обществом во многом определила ее своеобразие. Следует отметить, что в большинстве своем они считают своей Родиной Россию или бывшие республики Советского Союза. Некогда размытое представление об исторической Родине теперь сменилось осведомленностью и сопереживанием по поводу событий на Корейском полуострове. К тому же изначальная культурная дистанция между корейской и российской культурой в результате адаптации корейцев и их интеграции в российское общество нивелировалась. Теперь актуальной становится культурная дистанция между южнокорейским обществом и сообществом российских корейцев.

Российские корейцы после миграции с Корейского полуострова на долгое время потеряли связь с исторической Родиной и начали выстраивать стратегии взаимодействия исключительно с принимающим обществом. Открытие границ, установление дипломатических отношений с РК, а также ее инициативы, касающиеся сотрудничества с зарубежными соотечественниками, пока не дают значительных результатов.

Сибирские корейцы, по материалам интервью с президентом НКА корейцев Новосибирской области Тен Пон Ен, стремятся прежде всего закрепить свое положение в российском обществе, быть активно представленными на общегородских, региональных, национальных уровнях культуры и политики.

Участие сибирских корейцев в программах РК не имеет массового регулярного характера. Лишь отдельные предприниматели, представители сообществ

⁴ Чеведонпхо чхурипгукква попчок чивиекванхан попрыл № 10543. (Закон о въезде и выезде зарубежных соотечественников и их юридическом статусе). Сайт архива законов Республики Корея. URL: <http://www.lawkorea.com/client/asp/lawinfo/law/lawview.asp?lawcode=e437099&type=1> (дата обращения: 17.07.2013).

⁵ Официальный сайт бизнес-конференции этнических корейцев Хансанг. URL: <http://hansang.korean.net/index.do> (дата обращения: 17.07.2013).

⁶ Там же.

⁷ Сайт Фонда зарубежных корейцев. URL: <http://www.okf.or.kr/portal/OkfMainView.do> (дата обращения: 17.07.2013).

⁸ Сайт миграционной службы Республики Корея. URL: <http://www.hikorea.go.kr/pt/index.html> (дата обращения: 18.07.2013).

ва корейцев Сибири рассматривают сотрудничество с РК как перспективную возможность. В выборе международных бизнес-партнеров и в организации другой транснациональной деятельности корейцы г. Новосибирска опираются не на этническую общность, а на экономические факторы.

Однако активные практики РК по конструированию диаспоральной общности вокруг традиционных ценностей и включение российских и сибирских корейцев в глобальное сообщество соотечественников ведут к трансформации самосознания корейцев Сибири. В последние десятилетия происходит диаспоризация корейского сообщества под влиянием стратегии сотрудничества с зарубежными соотечественниками, выработанной правительством РК. Это еще раз подчеркивает тот факт, что диаспора весьма динамична, она характеризуется не только определенным набором признаков, но и подвержена трансформации под влиянием ряда факторов внутренней и внешней политики принимающего государства и государства исхода.

На примере взаимодействия корейцев России и Республики Корея можно судить о том, что ориентация самого этнического сообщества играет немаловажную роль в транснациональном диаспоральном сотрудничестве. Возможно, это связано с частичной утратой символической общности российских корейцев с исторической Родиной, а также с отсутствием мест

компактного проживания корейцев в Западной Сибири. Однако, вероятнее всего, слабая ориентация корейцев России на сотрудничество с РК связана с особенностями данного этнического сообщества. Это еще раз доказывает значимость всех трех составляющих диаспоральных отношений: государства исхода, принимающего общества и сообщества мигрантов. Поэтому диаспоральная политика государств должна учитывать особенности этнического сообщества в отдельно взятой стране, поскольку ориентация таких сообществ напрямую влияет на эффективность проводимой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России) / под ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1998. 340 с.
2. Бугай Н.Ф. По решению правительства Союза ССР. Альчик: Эль-Фа, 2003. 896 с.
3. Пак Мёнг Гванг. Сэге как гукечже вуэдонгпхо чжонгчеге кочальквасисачжом (Наблюдение за текущими событиями диаспоральной политики по странам мира): отчет о диаспоральной политике исследовательской группы по проблемам зарубежных корейцев при Национальной ассамблее // Материалы семинара Исследовательской группы по проблемам зарубежных корейцев при Национальной ассамблее. Сеул, 2006. С. 14–50.

*Статья поступила
в редакцию 28.02.2013*